

КАЖДЫЙ ГОД на излете лета, в канун Дня шахтера, память настойчиво возвращает в далекую юность, за полярным кругом. Там, на Крайнем Севере, глубоко под землей осталась частичка моей души, крупинка счастья. Счастья того, что ты был молод, энергичен, полон оптимизма и надежд.

Лучше гор может быть глубина

Для того, кто каждый день спускается на сотни метров вниз, – это просто работа: трудная, почетная, мужская. Только там, в изолированном пространстве, в полной темноте, проявляются лучшие качества мужчины и человека! Слабые духом и телом здесь редко приживаются. А потому шахтерские коллективы – это трудовая элита во всем мире. Жесткие условия работы, отрешенность от мира накладывают свой отпечаток на характеры горняков. Шахтеры сдержаны, степенны, дружны и солидарны. В этом их сила!

О шахтерах в последнее время не так много говорят. А еще совсем недавно они стояли во главе забастовочного движения, фактически являясь локомотивом развития российского общества. Мне посчастливилось быть участником первой в новой России забастовки шахтеров.

Дабы освежить в памяти хронологию событий, обратился к всезнающему Интернету. Каково же было мое удивление, когда экран выдал следующую информацию: «Хроника событий. Первая современная массовая забастовка предприятия в нашей стране прошла с 4 по 8 апреля 1989 года в поселке Талнах – спутнике Норильска. Прекратили работу 10 тысяч шахтеров на четырех рудниках: «Октябрьском», «Маяке», «Комсомольском» и «Таймырском». Через три месяца состоялась первая в России массовая региональная забастовка: в Кузбассе остановились 209 предприятий с 225 тысячами человек. И спустя всего восемь месяцев после всекузбасской стачки прошла первая общероссийская отраслевая шахтерская политическая забастовка с требованием реорганизации Советского Союза и заключения нового союзного договора».

Хорошо помню эти события, но не знал, что это была первая забастовка в СССР! Вот так и попадаешь в историю, сам того не ведая! Как говорится: и я там был, мед там пил...

Вот как это было.

Накануне забастовки

В 1987 году, после окончания Магнитогорского горного института, по распределению попал я в Талнах – горняцкий город-спутник заполярного Норильска. Определили меня на самый что ни на есть глубокий рудник с красивым названием «Таймырский». Глубина – 1350 метров! К 1989 году, освоив профессии крепильщика, взрывника и проходчика, я уже работал в должности мастера добычного участка № 1 на глубине 1050 метров. Работали посменно. В ночь, примерно к 23 часам, приходил на смену, в 23.30 проводил сменно-встречное собрание и к 24 часам – вниз на рабочие места. Общим ночным руководителем на руднике был диспетчер с функциями главного инженера. В задачу смены входило «дать стране угля», то есть надо было заложить в рудоспуски для дальнейшей ее отгрузки потребителям определенное количество руды. Ночные смены хороши тем, что большинство начальников уже спят и никто не дергает, не тормозит ровно протекающие технологические процессы. Поэтому работа по ночам шла хоть и не без нарушений, но производительность и эффективно. Кстати, эта аксиома актуальна для меня и сегодня...

В одну из ночей что-то пошло не так. Горняки, приехавшие на работу, долго курили в коридоре, громко что-то обсуждали. Со всех участков люди скопились в одном месте, чего раньше не бывало. Внезапно гул за дверью стих! Не дождав своих подчинен-

Мы начинали жить по-новому

> **Никогда не жалел, что выбрал трудную, почетную, мужскую профессию**

ных в кабинете раскомандировки, вышел в общий коридор. Он был пуст! Бежали лишь такие же мастера, как и я. Собравшись вместе, отправились на поиски пропавших шахтеров. По удаленному шуму поняли, что все ушли в актовзальный зал рудника. Поспешили «на огонек». А там уже кипели страсти!

Работать и митинговать – разные виды деятельности, скорее даже противоположные. Прокатившаяся по стране гласность уже сидела в умах людей, но чтобы отказываться выходить на работу – такое в голове ни у кого не укладывалось. Я слушал страстные речи людей, которые работали со мной рядом каждый день, и просто не знал, что дальше делать. Сегодня, когда есть с чем сравнивать, можно сказать, что стихийное собрание тогда шло скромно и даже вяло, поскольку никто не верил в возможность вот так взять и не выйти на работу. Требования были не глобальными, а скорее – бытовыми. Никто не хотел менять строй, а уж о развале Союза и думать не думали. Требовали увеличить отпуск, поменять график работы, повысить зарплату. Немаловажным был вопрос о включении в рамки рабочей смены времени, потраченного на выдачу наряда, переодевание и дорогу до рабочего места. Люди были недовольны профилактикой и лечением профзаболеваний, системой питания под землей. Кто-то говорил о волнениях на соседних рудниках Талнаха! Сотовых телефонов еще не было, связь с соседями держали представители проф-

кома по стационарным телефонам. Откуда ночью появились эти люди из профкома, до сих пор не знаю!

Наверное, сегодня такое событие вмиг собрало бы все начальство, но тогда представителей высшего руководства не наблюдалось. Никто из работающих и руководящих не мог представить и подумать тогда о возможности бунтов и революций! Я, как уже говорил, находился в полной растерянности. Как мальчишке – было это все интересно, но как мастер, я нес некий дополнительный груз ответственности. Страх увольнения не было. Всеобщая занятость в СССР давала о себе знать.

Через полчаса с пятого этажа к нам спустился диспетчер рудника, осетин по национальности. Он умел профессионально говорить тосты, и это пригодились в этом неординарном случае. Тихо, спокойно, без нагнетания страстей, он объяснил собравшимся, что на дворе ночь и некому решать проблемы горняков. Завтра будет день, придут люди, наделенные полномочиями, тогда и можно будет что-то предпринимать. Его спокойный тон сыграл свою роль, люди разошлись по участкам, спустились в шахту. Кстати, на соседнем руднике было все не так просто. Там люди отказались спускаться в забой.

Утром отчитался за отработанную смену и уехал домой отдыхать. Никто за ночной инцидент с меня не спрашивал. На следующую ночь все повторилось вновь, с той разницей, что поприбавилось страстей и требований. За прошедшие сутки профком горняков нарабатывал какой-то план действий. Этот план был прилюдно озвучен, согласован и утвержден. Все действия были синхронизированы с рудником «Октябрьским». В эту ночь уже прикатили начальники с рудника и норильского комбината. Руководители пытались успокоить людей, что-то обещали сделать, но кардинальные, системные изменения ими не признавались и начисто отвергались. Говорили о том,

что не уполномочены решать мало-мальски значимые вопросы. Это еще больше раздражало горняков. Почувствовав слабость и нерешительность руководства, поддержку и солидарность шахтеров других рудников, стали выдвигать все новые и новые требования. Тогда со стороны руководителей в ход пошло откровенное запугивание. Это многих отрезвило. Повторюсь, опыта поведения в таких ситуациях ни у кого не было! Хотя ночная смена переделалась и отправилась по рабочим местам. Но, спустившись вниз, люди не расходились по участкам, а продолжили митинг уже под землей – в

ремонтной мастерской околоствольного двора.

Забастовка

Митинговали под землей до утра. Я же, позвонив диспетчеру по телефону, проехал на участок. Всю смену мы – мастера добычных и проходческих участков – «катались» по территории рудника, объезжая рабочие места и поддерживая горные выработки в рабочем состоянии. Изредка появлялись на импровизированном митинге шахтеров, держа в курсе происходящего диспетчера. Где-то к пяти утра к митингующим спустились директор рудника и высокие начальники с комбината. Попытались успокоить рабочих. Горняки отказывались подниматься, пока не удовлетворят их требования. Чуть позже шахтерам обещали рассмотреть представленные требования. После этого часть рабочих поднялась на-гора. Около трети, то ли для гарантии выполнения, то ли не поверив в обещания, остались под землей. Следующую смену с утра уже не пустили в шахту, чтобы не увеличивать число бастующих там, внизу. Так началась забастовка!

Дальше события разворачивались бурно. В актовом зале к 11 часам собрались все. Требования тонули в пучине обещаний и проволочек. Это накаляло и так горячую атмосферу. Ежечасно приходили телефонограммы в поддержку из Воркуты, Кемерово, с Украины и Урала. По примеру воркутинцев был создан независимый профсоюз горняков Большого Норильска. Некоторые шахтеры быстро сориентировались и на волне популизма уже открыто и четко начали делать профсоюзную карьеру. Такие люди были тогда востребованы для выражения мыслей и чаяний часто немногословных и стеснительных шахтеров.

На третьи сутки стали появляться политические требования, вплоть до обновления Союза и отставки некоторых членов Политбюро, правительства и некоторых депутатов СССР. По решению общего собрания горняков мастера и начальники участков не имели права участвовать в общей забастовке, так как подземные выработки требовали контроля и поддержания их в рабочем состоянии.

Мы спускались по графику в шахту, доставляли горячее питание из столовой бастующим под землей горнякам, кормили их и на вспомогательной технике курсировали по горным выработкам, контролируя километры крепи и состояние воздуха под землей. На третьи сутки на шахтеров внизу было жалко смотреть. Давление на глубине километра немаленькое! Это постепенно сказывалось на здоровье людей. Их движения стали размеренными и замедленными. Они стали невнятно говорить, мало передвигаться, потерялся всякий интерес к происходящему. Некоторых пришлось выводить принудительно наверх. Бастующие играли в настольные игры, читали газеты. Внизу был вакуум информации, чувствовалась оторванность от событий на поверхности, где кипели настоящие страсти! Это обстоятельство всех бастующих под землей сильно угнетало. Кульминацией забастовки было проведение вниз кабеля радио и приезд корреспондента газеты «Труд». Журналист выслушал каждого шахтера, пообщался с руководством и профсоюзными лидерами и укатил в Москву. Так о забастовке узнали во всей стране...

Итоги

Эмоции, которые кипели в те дни, остались на всю жизнь. Это новое и непривычное для того времени событие изменило не только ход мыслей людей, но и ход всей современной истории страны. Мы дышали воздухом неведомой еще свободы! Мы начинали жить по-новому!

Шахтерские забастовки 1989 года стали толчком к смене экономического и политического строя в 1991 году.

* * *

С праздником вас, дорогие горняки! Устойчивой кровли, здоровья и процветания! 🍷

АЛЕКСАНДР ШАРАПОВ,
горный инженер

> **Жесткие условия работы накладывают свой отпечаток на характеры горняков**